

2011/4 (6)

УДК 008:001.8ФРЕ

Содержание

Теоретическая культурология

Румянцев О. К.

Быть или понимать (Часть 1)

Кондаков И. В.

Российская культурология как феномен отечественной культуры

Ойттинен В.

Теория культуры Вадима Межуева: проблемы и перспективы марксистского подхода

Кириллова Н. Б.

От медиакультуры к медиалогии

Историческая культурология

Иконникова С. Н.

Биография как социокультурное измерение истории

Злотникова Т. С.

Миф о Вахтангове как культурфилософский парадокс

Прикладная культурология

Григорьев А. А.

Размышление о возможности выделения культурологии в отдельный раздел университетского образования

Рылева А. Н.

О программах «Школа культуролога» через призму процесса гуманитаризации и в связи с идеей непрерывного образования

*Зеленцова Е. В.**Мельвиль Е. Х.*

Развитие творческих индустрий

Зигмунд Фрейд: жизненность идей

Аннотация. В статье воссоздается портрет австрийского врача-психиатра и ученого-психолога, культуролога и философа Зигмунда Фрейда, характеризуются его идеи, которые представляются актуальными в наше время, что показано на примере развития тезаурусного подхода в гуманитарном знании.

Ключевые слова: Зигмунд Фрейд, тезаурусный подход, гуманитарное знание

«Не слишком высокий, и не слишком низкий рост, не слишком плотное, но и не слабое сложение. Годами отчаиваются карикатуристы по поводу его лица, ибо в этом безукоризненно-правильном овале не найти никакого указания для игры художественного преувеличения. Тщетно стали бы мы рассматривать, один за другим, его портреты поры молодости, чтобы подглядеть какую-нибудь преобладающую линию, что-либо по существу характеризующее. Черты лица тридцатилетнего, сорока- и пятидесятилетнего Фрейда говорит только одно: красивый мужчина, мужественный человек с правильными, пожалуй, чересчур уж правильными чертами лица... Лишь старость, обычно смывающая у большинства людей основные черты индивидуальности и размельчающая их в тусклую глину, лишь патриархальный возраст приступают к Фрейду с резцом художника... Впервые чувствуешь в этом лице упорство и строгость фрейдовской натуры; чувствуешь: нет, это не славный седой старичок, ставший к старости кротким и обходительным, но твердый, неумолимый исследователь, который не дается в обман и никогда не согласен обманываться» [1]. Таким предстает австрийский врач-психиатр и ученый-психолог, культуролог и философ Зигмунд Фрейд в описании Стефана Цвейга. В социокультурном отношении немаловажна и сама личность Зигмунда Фрейда, оказавшегося связанным с демократической научной и художественной интеллигенцией своего времени. Стефан Цвейг, Томас Манн, Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор встречались с ним, вели переписку, обменивались мнениями и идеями по важнейшим вопросам современной жизни. С Альбертом Эйнштейном Фрейд выступил против приближавшейся военной опасности, и это выступление было замечено в мире. Не претендуя на роль пророка, философа, моралиста, Фрейд тем не менее оказался харизматической фигурой и для огромного числа своих учеников и последователей во многих странах мира, и для интеллектуальной элиты в целом. Жизнь австрийского ученого поучительна как пример целеустремленности и колоссальной работоспо-

в России: проблемы и перспективы

Гуманитарные исследования

Луков Вал. А., Луков Вл. А.

Зигмунд Фрейд: жизненность идей

Mediated action: между разумом
и культурой : интервью
с профессором Джеймсом Вёрчем

Малая культурологическая энциклопедия

Закс Л. А.

Культурфилософская вселенная
М.М.Кагана: основания, территории,
границы. К 90-летию выдающегося
философа (Часть 2)

Рецензии

Поляков Т. П.

«Очень своевременная книга...»
(Музееведческая мысль в России
XVIII–XX вв. : сб. документов и
материалов / отв. ред.
Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010.
960 с.: ил.)

Научная жизнь

Кинофестиваль «Дни
этнографического кино»

(25 сентября – 2 октября 2010 г.,
Москва)

Роль музеев в формировании
исторического сознания (обзор
международной конференции)

собности – несмотря ни на какие самые трагические для судеб человека и народов обстоятельства. В своем жизненном пути З. Фрейд соответствует им же выведенному закону: «Люди сильны до тех пор, пока они отстаивают сильную идею» [2].

К. Г. Юнг писал о Фрейде в некрологе: «На протяжении связывавшей нас годами личной дружбы мне посчастливилось глубоко заглянуть в душу этого своеобразного человека: он был “захвачен” идеей, т.е. это был человек, на которого произвела необыкновенное впечатление открытая им истина, и он двинулся навстречу ей, чтобы навсегда остаться покоренным своей идеей» [3]. Такая жизнь сама по себе становится частью современного символического пространства, приобретает черты образца. Но это особый образец: его ценностное содержание в чем-то близко к таким жизням-образцам, какие прожили Жан-Жак Руссо, Лев Толстой, Махатма Ганди, – сложным, основанным на самоопределении и самопровержении.

Начинать анализ научной теории с характеристики личности ее творца – то принципиально новое, что внес Фрейд в науковедение новейшего времени. Собственно, это лишь прием, лишь частный случай, отражающий нечто значительно более масштабное – вторжение в науку субъективного фактора, перенесение центра тяжести с анализа объекта исследования на характеристику того, кто именно провел этот анализ и кто и как его осмыслил и использовал. Знание уступает место пониманию и технологии.

Фрейд создал теорию, заметно продвинувшую человечество в понимании человека; вне этой теории (хотя бы и в форме ее критики) современное научное знание было бы значительно беднее. Как в начале XX в., так и в начале XXI в. интерес к фрейдизму в самых широких кругах гуманитарно образованных людей необычайно высок. Отчасти это объясняется тематикой психоаналитических исследований, ее неразрывностью с вопросами пола, с возникающим у изучающего труды психоаналитиков чувственным фоном, дававшим основание некогда обвинять круг Фрейда в извращениях и порнографии. Нельзя не видеть, что в чтении Фрейда неспециалистами работает механизм, аналогичный пушкинскому «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал».

Замечательные работы трудившихся одновременно с Фрейдом на ниве психологических исследований К. Левина, П. Жане, В. Штерна, А. Бине или Э. Кречмера остаются предметом чтения и изучения узких профессиональных групп. Фрейд терминологически тоже непрост, но его направленность в сферы, жизненно важные для каждого человека, открытое исследование табуированных в «приличном обществе» тем, неожиданность и эвристичность толкований – все это в сочетании с выдающимися литературными достоинствами текстов Фрейда создает условия для понимания и принятия его стороны, какие бы доводы ни приводила профессиональная критика. Серьезные и обоснованные возражения высказывались по поводу постановки Фрейдом эмпирических процедур, способа ведения записей наблюдений, обеспечения надежности в фиксации бесед (так, крайне спорен принцип, установленный Фрейдом: записывать беседы не во время, а после сеанса, поскольку в этом случае, с его точки зрения, неважное забудется, а главное сохранится в памяти исследователя). Эмпирические материалы у Фрейда не представлены систематически, его опыты невозможно повторить, представить статистически. Измерительные процедуры, по сути, отсутствуют.

Во многих случаях (например, при анализе случая «маленького Ганса») трудно установить, не является ли вывод исследователя сделанным заранее,

до изучения материала и не влияет ли он на чистоту опыта своими теоретическими установками. В другой области науки все это вело бы к полной дискредитации полученных данных и выводов. Здесь этого не произошло. Почему? Прежде всего, из-за сложности психологических феноменов и невозможности однозначно установить критерии научности в этой сфере. Опытная часть исследований Фрейда вызывает сомнения, но претензии по валидности, надежности, полноте эмпирических данных могут быть предъявлены практически любому психологу, причем часть таких претензий будет носить неизбежную печать приверженности к тем или иным научным школам и стратегиям исследования.

Но все же для признания за фрейдизмом его научной и культурной ценности основную роль сыграло иное обстоятельство. Главная притягательная сила Фрейда – в его концептуальности, в широте и смелости обобщений, направляющих читателя, слушателя на новое, нередко неожиданное «открытие себя». Этот эффект закрепился в культурных парадигмах XX в. С. Цвейг в очерке, посвященном Фрейду, отмечал: «В наши дни фрейдовские мысли... свободно обращаются в крови эпохи и языка; отекающие им формулы кажутся сами собой понятными; требуется, собственно говоря, большее напряжение для того, чтобы мыслить вне их, чем для того, чтобы мыслить ими» [4].

Это обстоятельство совершенно сродни распространению социокультурных импульсов эпохи. Вообще невозможно переоценить значение в психоанализе компонента искусства. Известная доля эстетизма характеризует действия психоаналитика, ведущего пациента в его глубоко спрятанные внутренние сферы, кроме того, само бытование психоанализа в социальной среде предполагает ориентированность на искусство – на его знаки и образы, на аналогии с шедеврами мировой художественной культуры. Если в ряде случаев почти стирается грань между психоаналитическим и искусствоведческим анализом (например, при рассмотрении Фрейдом статуи Моисея работы Микеланджело), то это – лишь поверхностный слой связи фрейдовского метода с областью искусства. При углублении в метод обнаруживается подобие креативных механизмов создания произведения искусства и прорисовки психоаналитического портрета пациента.

Подобие это интуитивно ощущал и сам Фрейд. В одном из писем О. Пфистеру он замечает: «Сдержанность... несовместима с психоанализом. Аналитика приходится становиться безнравственным, переступать пределы правил, жертвовать собой, предавать и вести себя подобно художнику, который покупает краски на деньги, оставленные его женой на ведение домашнего хозяйства, или который сжигает свою мебель, чтобы согреть комнату для своей модели. Без некоторой такой криминальности не бывает какого-либо реального достижения» [5]. Эта характеристика приоткрывает завесу над популярностью фрейдизма в непрофессиональной аудитории: там научное исследование приобретает черты произведения искусства и воздействует на душевные движения эстетически.

Эстетизм, художественная образность, как представляется, в данном случае не являются лишь особенностями авторской стилистики. Они становятся не переменными чертами самого исследовательского метода погружения в тайники человеческой психики и во многом определяют значимость открытий Фрейда.

Надо отметить, что научный подход в XIX в., в эпоху торжества позитивизма, исключал субъективный фактор из сферы собственно научного знания. В этом смысле Фрейд, воспитанный на позитивизме, мог найти опору, пожалуй, только в искусстве, которому субъективный

фактор был чужд лишь в периоды уподобления искусства науке. Искусство в этом отношении намного опередило науку XIX в., здесь о правах субъекта было заявлено еще на рубеже XVIII–XIX вв. Если классицисты основывались на объективности универсальных, вечных законов искусства, то предромантики, а затем романтики совершенно иначе стали трактовать эти законы, эстетический идеал. Отсюда формирование концепции гения как человека, подобно Богу, творящего собственные законы, собственный мир. Отсюда создание поэтов-мифов, среди которых величайший – Оссиан, рожденный фантазией Д. Макферсона. Отсюда культ Шекспира, понятого предромантиками и романтиками как высшее воплощение произвола гения по отношению к любым правилам искусства. Любопытно, что вторую часть задачи – введение в рассмотрение не только автора как субъекта, но и читателя (зрителя) как субъекта – осуществили представители «низового» искусства, авторы мелодрам, «бульварных» романов и т.д. Человек предстал не только в образах героев произведений искусства, но и в возможностях авторов и в потребностях реципиентов искусства, среди которых оказались как «высокие», так и вполне земные, нередко даже низменные. Более того, за «высокими» потребностями были обнаружены нередко скрывающиеся и при этом более глубокие, более значимые «низкие» потребности. Так что развитие искусства в XVIII–XIX вв. естественно вело к концепции Фрейда.

В одном из писем к Л. Бинсвангеру Фрейд замечал: «Я остановился лишь на первом этаже и подвале всего здания» [6]. Этим зданием (или, как он пишет в том же письме, «моим маленьким домиком») был Человек. Нижний этаж – Психология. Светильник в руках идущего по подвалу исследователя – Психоанализ. Эта незавершенность строения – при столь капитальном фундаменте – и дает современному исследователю богатую пищу для раздумий, а сами фрейдовские идеи становятся магнитом: они способны притянуть, но и содержат основание для отталкиваний, как это и было с большинством его талантливых учеников. Можно сказать, что влияние К. Г. Юнга, например, и некоторых других учеников и сподвижников Фрейда на развитие человековедения и более того – на весь строй европейски ориентированной общественной мысли сопоставимо с влиянием их учителя, а в отдельных областях значительно большее, чем имеет на своем счету ортодоксальный фрейдизм. Все же авторитет первооткрывателя остается за Фрейдом. Эрих Фромм довольно точно выразил это, сравнив роль Фрейда в психологии с ролью Лютера в религии и подытожив: «Фрейд является как бы протестантским психологом» [7].

С самого начала фрейдизм развивался не только как специальное теоретическое знание, но и как культурное явление. Культурологический контекст есть контекст тезаурусный, иначе говоря – структурированный по ценностному основанию «свое – чужое». Область «своего» для фрейдизма оказывается чрезвычайно широкой, иногда совершенно покидающей врачебные кабинеты и переходящей в массовое сознание определенной части общества. Надо сказать, что фрейдизм ворвался в европейское общественное сознание на фоне предчувствия крупных социальных катастроф. Катастрофа культуры (европейской культуры, понимаемой в образованных кругах европейских стран как всемирная) ожидалась с отчаянием или смирением, с верой в новый мир и новую гармонию. Выдающийся русский философ А. Ф. Лосев вспоминал, как, будучи студентом, «погруженным по уши в философию и классическую филологию», первую философскую школу прошел в Большом театре, где в 1913 г. впервые была полностью поставлена грандиозная тетралогия Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов»: «Ведь в самом деле: в университете было все так крепко и пристойно, все так спокойно и на первый

взгляд все так благополучно; а в Большом театре Вагнер вещал о гибели всего мира и мировом пожаре, о гибели богов и героев, о тщете и обреченности всякого индивидуализма, основанного на неимоверном превознесении изолированных личностей, и о единственном выходе из этого мирового тупика – об отказе от всякого изолированного существования и об отречении от всех индивидуальных восторгов» [8].

Совершенно в этом же духе в вводной лекции по психоанализу, которые З. Фрейд прочитал в 1915/16 и 1916/17 учебных годах «врачам и неспециалистам обоего пола», он обозначает разрыв полученного людьми из зала образования и новых данных, от приобретения которых он предусмотрительно советует сразу отказаться: «Я покажу вам, как вся направленность вашего предыдущего образования и все привычное ваше мышление будут неизбежно делать вас противниками психоанализа и сколько нужно будет вам преодолеть, чтобы совладать с этим инстинктивным сопротивлением» [9]. Здесь-то и захлопывалась ловушка, поставленная самими слушателями из образованных кругов европейского общества: болезненность восприятия мира, ставшая всеобщей для интеллигенции перелома веков, оказалась удивительно созвучной мирам, приоткрытым в исследованиях Фрейда.

Фрейдизм решительно изменил некоторые аспекты повседневности европейского образованного общества. Известный психолог и социолог Эрик Эриксон замечает: «Со времен раннего Фрейда образованные люди под влиянием его теорий изменились: они громко произносят названия своих неврозов – и не желают расставаться с ними» [10].

Время от времени фрейдизм становится интеллектуальной модой. В эти периоды не столь важно для носителей этой моды, критикуется ли профессиональная сторона фрейдизма или нет: учение живет в контексте нравственных и религиозных исканий, культурных предпочтений, оно составляет как бы элемент светского быта. Собственно, без фрейдизма не может быть ни описана, ни понята духовная атмосфера конца XIX и всего XX в. В значительной мере это связано с характером этой теории. К. Г. Юнг справедливо отмечал: «Учение Фрейда, для понимания основных черт которого сегодня не требуется специального образования, является довольно компактным, не включает в себя чужеродных элементов, уходящих своими корнями в другие отрасли знания, и, наконец, покоится на нескольких самобытных и поддающихся наблюдению принципах, подчиняющих себе и пронизывающих все размышления Фрейда» [11].

Вопрос в том, насколько жизненна фрейдовская идея – или идеи. Думается, обоснование этой жизненности через характеристику все расширяющейся практики психоанализа по фрейдовской модели было бы недостаточно. Более того, в отношении к идеям Фрейда как к целостной системе можно найти как раз самое уязвимое звено в доказательстве обратного. А. Адлер и К. Г. Юнг, Ш. Ференци и В. Райх, М. Кляйн и Э. Фромм, Ж. Лакан и Э. Бёрн, практически каждый крупный последователь Фрейда оспорил какую-либо или даже несколько идей Фрейда или предложил свои, и система фактически пришла к распаду изнутри. Поэтому основной способ подтвердить жизненность фрейдовских идей – это выявить их применимость за пределами фрейдизма в широком смысле этого слова.

Попробуем осуществить эту процедуру применительно к недавно оформившемуся, но активно развивающемуся общегуманитарному тезаурусному подходу, применяемому в настоящее время в культурологии, социологии, филологии и ряде других областей гуманитарного знания [12]. Центральное понятие этого подхода –

тезаурус. Из многих значений этого слова использовано то, которое понимается в информатике как полный систематизированный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку и вычислительной машине в ней ориентироваться. Это значение положено в основу характеристики тезауруса в культурологии, более того, возникающие при его применении следствия послужили основанием для выделения особой области знания – тезаурологии. Тезаурология дополняет культурологию как ее субъективная составляющая. Если культурология изучает в качестве предмета мировую культуру, то тезаурология – процесс овладения культурными достижениями, осуществляемого субъектом (отдельным человеком, группой людей, классом, нацией, всем человечеством). Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе (можно говорить о поле ассоциаций, семантическом поле, понятийном ядре и т.д.). Тезаурус – это систематизированный свод представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект. Тезаурусный подход обеспечивает изучение закономерностей и историю развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства, смены культурных тезаурусов. Следует обратить особое внимание на то, что тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим).

В известном смысле, тезаурус можно было бы определить как «сознание» или, например, «память», если бы за этими словами не стояло бы столько философских смыслов и если бы совпадение действительно было бы полным. Здесь мы приводим эти неполные аналогии с целью подчеркнуть, что это не фрейдовская и почти антифрейдовская проблематика: Фрейд как раз тем и прославился, что перенес акцент с «сознания» на «бессознательное». В проблематике памяти его интересовали, прежде всего, закономерности забывания, блестяще интерпретированные в «Психопатологии обыденной жизни» (разделы «Забывание собственных имен», «Забывание иностранных слов», «Забывание имен и словосочетаний», «Забывание впечатлений и намерений») [13].

Тезаурусный подход, в противоположность концепции З. Фрейда, строится на признании того, что в человеческом обществе власть культуры не менее значима, чем власть природы (природы). Однако фрейдовская модель психического аппарата позволяет по аналогии наметить модель тезауруса. В нем фундаментом оказывается Неосознанное – как аналог Бессознательного. Цензура, или «инстанция», которая, по Фрейду, не позволяет содержанию Бессознательного попасть в систему Предсознание-Сознание (по «первой топике», сформулированной Фрейдом в его ранних работах), почти прозрачна, поэтому трудностей при переводе Неосознанного в форму Осознанного нет. Неосознанное при этом выступает и как когда-то осознававшееся, но не представленное в актуальном поле Сознания, и как прежде не осознававшееся.

Аналогом влечений, играющих такую важную роль у Фрейда для раскрытия «динамики» и «экономики» психических процессов, в тезаурусе оказываются предпочтения и ожидания (все новое проходит через эту призму). Предпочтения предполагают выбор из нескольких вариантов (пространственная характеристика), ожидания связаны с прошлым опытом

(временная характеристика). Очевидно, при прохождении новой информации сквозь «призму» предпочтений и ожиданий действуют законы аналогии (сближения по сходству) и ассоциации (сближения по смежности). Если обратиться к художественной литературе, то окажется, что в ней зафиксированы эти тезаурусные структуры пространства и времени: метафора (соответствует аналогии) и метонимия (соответствует ассоциации).

Учение Фрейда дает еще одну подсказку: тезаурус должен иметь «топику», то есть структуру различных зон. Может быть выстроена семиступенчатая «пирамида тезауруса», где с каждой ступенью, начиная снизу и двигаясь вверх, связывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем, которые решает человек в течение жизни:

- первая ступень: проблемы выживания;
- вторая ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса;
- третья ступень: проблемы власти, иерархической организации общества;
- четвертая ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.);
- пятая ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.;
- шестая ступень: проблемы теоретического осмысления действительности;
- седьмая ступень: проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания.

В соответствии с христианской традицией первые три ступени ассоциируются с «низом», четыре ступени над ними – с «верхом». Высшие ступени редко осознаются. Это объясняет, почему, например, в художественной литературе, представляющей собой результат вполне осознанной деятельности и воплощающей в слове предпочтения и ожидания все более расширяющейся читательской массы, такое огромное место занимают проблемы выживания, жизни и смерти, самоубийства, насилия, войны, жестокости (что нашло отражение в жанре трагедии, популярнейшем у древних греков, в жанрах детектива, хоррора – литературы ужасов, триллера, популярнейших в массовой культуре XX в., и т.д.). Чуть менее популярны проблемы второй ступени. Литература, отражающая проблематику высших ступеней «пирамиды тезауруса», неизбежно ориентирована на «посвященных», на духовную элиту общества, но именно эта литература, обладающая мощным воспитывающим воздействием, развивающая духовные устремления человека, прежде всего, становится классикой – и тем самым основным предметом изучения истории литературы как научной дисциплины. Но при этом классика почти всегда обращается и к материалу нижних ступеней «пирамиды тезауруса» (как в «Эдипе-царе» Софокла, «Гамлете» У. Шекспира, «В поисках утраченного времени» М. Пруста), иначе духовно ориентированной литературе грозит участь остаться литературой тайных учений, эзотерической (для узкого круга посвященных).

Итак, идеи Фрейда продолжают плодотворно использоваться в гуманитарном знании, даже далеком от психоанализа как такового. Это яркий пример особого рода ритмов в истории культуры человечества – «пульсации идей». Если рукописи, может быть, и горят, а системы разрушаются, подобно Колизею или всей Римской империи, то идеи, раз возникнув, сохраняют свою жизненность, пульсируя, как «вечно живущий огонь, мерно вспыхивающий, мерно угасающий», если воспользоваться

метафорой Гераклита (фр. 51 по М.Марковичу). Основное свойство пульсирующих идей – их способность встраиваться в новые системы. Идеи Фрейда пульсируют, а значит, продолжают жизнь их автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Цвейг С. Зигмунд Фрейд: из биографической трилогии «Врачевание и психика». М., 1990. С. 19–20.
- [2] Freud S. *Gesammelte Werke*. L., 1946. Bd. 10. S. 113.
- [3] Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд // Юнг К. Г. Собрание сочинений: Дух Меркурий. М., 1996. С. 339.
- [4] Цвейг С. Указ. соч. С. 7.
- [5] Цит. по: Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997. С. 265.
- [6] Binswanger L. *Erinnerungen an Sigmund Freud*. Berlin, 1956. S. 115.
- [7] Фромм Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 464.
- [8] Лосев А. Ф. Гибель буржуазной культуры и ее философии // Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1962. С. 311.
- [9] Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1989. С. 7.
- [10] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 37.
- [11] Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление // Юнг К. Г. Собрание сочинений: Дух Меркурий. М., 1996. С. 319.
- [12] См.: Луковы Вал. и Вл. Концепция курса «Мировая культура»: тезауrolогический подход // Педагогическое образование. 1992. № 5. С. 8–14; Луков Вал. А. Молодежь как социальная реальность // Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999. С. 126–189; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100; Луков Вл. А. Предромантизм. М., 2006. Тезаурусный подход стал методологической основой филологических диссертаций И. В. Вершинина, С. Н. Есина, А. Б. Тарасова, Н. В. Соломатиной, А. Б. Щербакова, социологических диссертаций А. А. Ситникова, А. В. Лукова, Д. Л. Аграната, философских и культурологических диссертаций А. А. Останина, М. В. Лукова, Ч. К. Ламажаа, Е. В. Мошняги. Он был комплексно применен в коллективной монографии Института гуманитарных исследований МосГУ «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI в.: в честь 70-летия И. М. Ильинского» (М., 2006). Обобщающая работа: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008. Среди недавних работ: Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М., 2008; Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования. М., 2008; Луков Вл. А. Культурология объектная и субъектная // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 72–79; Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»): дис. ... канд. филос. наук. М., 2009; Луков М. В., Луков Вл. А. Телевидение в современной культуре повседневности: тезаурусный анализ // Наука телевидения: науч. альманах. М., 2011. Вып. 8. С. 57–75; Луков Вл. А. Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 68–71; Кузнецова Т. Ф., Луков Вл. А. Презентация учебника тезаурусного типа: Татьяна Кузнецова, Анатолий

Уткин. История американской культуры. М.: Человек, 2010. 432 с., ил. // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М., 2011. Вып. 21. С. 74–81; Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012 и др.

[13] Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Избранное. М., 1989. С. 125–144, 175–191.

© Луков Вал. А., 2011

© Луков Вл. А., 2011

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2011 г.

Луков Валерий Андреевич,

доктор философских наук, профессор,
директор Института фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета (Москва)
e-mail: v-lukov@list.ru

Луков Владимир Андреевич

доктор филологических наук, профессор,
директор Центра теории и истории культуры
Института фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета (Москва)
e-mail: lookoff@mail.ru

UDC 008:001.8FRE

Lukov Val.

Lukov Vl.

Sigmund Freud: Liveliness of Ideas

Abstract. The authors give a portrait of the famous Austrian psychoanalyst and theorist and recall his ideas that are still influential in the humanities and cultural research. The energy of his thought is demonstrated with an example of the thesaural approach actually developed in the humanities.

Key words: Sigmund Freud, thesaural approach, the humanities

Lukov Valery Andreevich,

Doctor in Philosophy, Professor,
Director of the Institute for Fundamental and Applied Studies,
Moscow University for the Humanities (Moscow),
e-mail: v-lukov@list.ru

Lukov Vladimir Andreevich,

Doctor in Philology, Professor,
Director of the Theory and History of Culture Centre,
Institute of Fundamental and Applied Studies,
Moscow University for the Humanities (Moscow),
e-mail: lookoff@mail.ru